

УДК 327
ББК 66.4(0)
С72

Спикмэн, Николас.

С72 «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море / Николас Спикмэн, Карл Шмитт ; [переводы М. Н. Грачева, Ю. Ю. Коринца]. — Москва : Родина, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-00180-657-8

Николас Спикмэн (1893—1943) считается одним из основателей американской геополитики. Для Спикмэна характерен утилитарный подход, четкое желание выработать эффективную геополитическую формулу, с помощью которой США могут скорейшим образом добиться мирового господства. Этого можно достичь, говорит Спикмэн, создав особую геополитическую реальность, «новую Атлантиду», связанную общностью западной культуры, идеологией либерализма и демократии.

Карл Шмитт (1888—1985) — немецкий геополитик, оказавший огромное влияние на развитие европейской политической теории XX—XXI веков. В отличие от «атлантистов» он считал, что основная борьба за мировое господство идет не на море, а на суше, и разработал теорию «номоса» — нового порядка континентального управления.

Несмотря на разницу взглядов Спикмэна и Шмитта, многие исследователи полагают, что это всего лишь способы достижения одной и той же цели — власти Запада над миром. Ныне российскому читателю впервые предоставляется возможность составить собственное мнение на этот счет.

УДК 327
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-00180-657-8

© Шмитт К. (Schmitt C.), правообладатели
© Перевод с английского М. Н. Грачева,
перевод с немецкого Ю. Ю. Коринца
© ООО «Издательство Родина», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Николас Спикмэн

ГЕОГРАФИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Фактор размера	6
Фактор местоположения	24
Местоположение государств	39
Различия между морскими и континентальными державами	56

Николас Спикмэн

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРАЗИИ

Схема Маккиндера	76
Хартленд	81
Римленд	85
Оффшорные континенты	86
Динамическая модель евразийской политики	88

<i>Альфред Мэхэн. США смотрят за пределы своей территории</i>	<i>92</i>
---	-----------

Карл Шмитт

НОМОС ЗЕМЛИ

Море против земли	101
Новый номос Земли	106
Понятие политического	113
Теория партизана	138

Николас Спикмэн

ГЕОГРАФИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ФАКТОР РАЗМЕРА

«Политика всех держав предопределена их географией», — признал тот, чье известное выражение: «Обстоятельства? Это я, я сам создаю обстоятельства!» — указывает на его презрительное отношение к каким бы то ни было факторам за исключением человеческой воли, являющейся вершительницей людских судеб (имеется в виду Наполеон Бонапарт. — *Прим. перев.*). Но с тех пор, как Красное море расступилось перед Моисеем и Солнце любезно приостановило свое движение для Иисуса Навина, человеческая воля оказалась неспособна вновь установить контроль над рельефом местности и климатом, однажды продемонстрированный этими великими мужами, и, стало быть, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря российской географии, а не народу был в конечном счете побежден маленький корсиканец. И по сей день в Ватерлоо, если он все еще жив, есть верноподданный гид, который с непоколебимой убежденностью утверждает, что вовсе не гений или мастерство, а болотистая местность принесла ту победу Веллингтону.

К сожалению для политолога с его склонностью к упорщению и к счастью для государственного деятеля, стремящегося преодолеть географические несовершенства своей страны, внешняя политика не во всем предопределяется географией, но в некотором отношении политика целиком зависит от географии. Факторы, обуславливающие политику государств, многочисленны; они бывают

постоянными и временными, очевидными и скрытыми; они включают в себя помимо географического фактора, плотности населения, экономической структуры страны, этнического состава ее жителей, формы правления еще также комплексы и любимые предрассудки министров иностранных дел; и их одновременное действие и взаимодействие порождают сложное явление, называемое «внешней политикой».

Задача ученого, занимающегося исследованием общества, — попытаться найти в огромной массе исторического материала взаимосвязи между обуславливающими факторами и типами внешней политики. Это означает, что изучение истории дипломатии должно быть дополнено поиском моделей поведения государств под воздействием различных стимулов и в меняющейся международной обстановке. Научный метод требует, чтобы поиск работал посредством абстракции, но здравый смысл предупреждает, что взаимосвязи, найденные посредством такой абстракции, могут быть сами по себе только частичными, неполными объяснениями конкретных исторических ситуаций.

Из множества факторов, предопределяющих внешнюю политику государств, Наполеон, несомненно, указал наиболее значимый. Война была инструментом национальной политики в его время и остается таковой сегодня, и в мире, где различные группировки борются за власть посредством войны, политика становится высшей стратегией.

В таком мире географическое местоположение государства является той территориальной базой, с которой оно осуществляет свои действия во время войны, и стратегической позицией, которое оно занимает в течение временного перемирия, называемого миром. Это наиболее существенный фактор, обуславливающий формирование национальной политики, потому что он является наиболее постоянным. Министры приходят и министры уходят, даже диктаторы умирают, но горные хребты стоят невоз-

мутимо. Джорджа Вашингтона, защищавшего тринадцать штатов потрепанной армией, сменил Франклин Рузвельт, имеющий в своем распоряжении ресурсы целого континента, но Атлантика продолжает обнадеживающе отделять Европу от Соединенных Штатов и порты Святого Лаврентия по-прежнему заблокированы зимними льдами. Александр I, Император Всероссийский, завещал Иосифу Сталину, простому члену Коммунистической партии, не только свое могущество, но и непрекращающуюся борьбу за выход к морю, а Клемансо (Клемансо, Жорж Бенжамен (1841—1929) — французский политический и государственный деятель, премьер-министр Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг. — *Прим. перев.*) разделил с Цезарем и Людовиком XIV их тревогу по поводу открытой границы с Германией.

Поскольку географические характеристики государств являются относительно неизменными и неизменяемыми, географические притязания этих государств остаются теми же самыми на протяжении веков, и поскольку мир еще не достиг того счастливого состояния, когда потребности одних людей не противоречат интересам других, подобные притязания будут вызывать разногласия. Таким образом, на плечи географии может быть возложена вина за многие длительные конфликты, которые неизменно присутствуют в истории, в то время как правительства и династии испытывают взлеты и падения.

«Бывают ситуации, когда народы и государства встают друг против друга, потому что возможности их развития ограничены географически и экономически, и преимуществами одних должны стать недостатки других. Это всегда бывает так, когда географическое пространство и политические ситуации порождают тенденцию развития различных государств в одном и том же направлении, и тогда одна и та же цель, территория или господство на море, представляются необходимым или стратегически и эконо-

мически важным моментом для нескольких государств... Такие пространственные отношения политического характера являются причиной, почему некоторые вопросы политической истории никогда не уходят в небытие и появляются вновь при различных обстоятельствах».

Однако следует подчеркнуть, что география характеризуется скорее как обуславливающий, а не как определяющий фактор. Такая формулировка выбрана намеренно. Она не подразумевает, что географические особенности играют детерминирующую, причинную роль во внешней политике. Географический детерминизм, который объясняет географией все вещи от четвертой симфонии до четырехмерного изображения, дает такую же искаженную картину, как объяснение политики без упоминания географии. География государства — скорее материал, чем повод для осуществления им политики, однако признать то, что предмет одежды в конечном счете должен быть сшит так, чтобы соответствовать ткани, не означает заявить то, что ткань предопределяет стиль одежды или ее размер. Но география государства не может не приниматься во внимание людьми, формирующими его политику. Особенности территориального плана влияли на них в ее выработке в прошлом и будут продолжать делать это в будущем.

Следует заметить, что существующая немецкая школа «геополитики» отказалась в известной степени от строго географического детерминизма Ратцеля, но только для того, чтобы отойти от искушения метафизикой, которая рассматривает географию в качестве первопричины. Как свидетельствуют признания, ее приверженцы не только занимаются изучением географической обусловленности политических явлений, они также занимаются оправданием политики, что едва ли является научной деятельностью. Вероятно, лучшее изложение своей позиции было дано в 1928 г. четырьмя редакторами журнала «Zeitschrift für Geopolitik»: «Геополитика — это учение о связи поли-

тических процессов с почвой. Она опирается на широкую географическую основу, в особенности на политическую географию, в изучении пространственных политических организмов и их структуры... Геополитика обеспечивает необходимые знания для политических действий и руководства в политической жизни. Таким образом, она является уроком искусства для руководства практической политикой, необходимой для государства, чтобы оно было способным встать на твердую почву. Этот скачок от знания к мастерству делается только тогда, когда неизвестно, где это является безопасным и более опасным. Геополитика — это желание и потребность для географического осознания государства» [4. С. 9].

Во французской школе, основанной Видалем де ла Блашем, последователями которого стали Брюн и Валло, а теперь и Февр, такому детерминизму противопоставляется «поссибилизм», принимающий во внимание возможность изменения людьми географической среды и многие другие факторы, которые объединяются с географическими в предопределении человеческой судьбы: «Истиной и только географической проблемой является использование возможностей» [5. Р. 349]; «...Наиболее совершенный морфологический тип не влечет каких-либо определенных последствий» [6. Р. 223].

То, что мы обозначаем в качестве нашего направления, представляет собой нечто среднее между последним утверждением и детерминизмом Ратцеля. География не предопределяет, но она обуславливает; она не только открывает возможности для использования, она требует, чтобы они были использованы; только воля человека определяет его способности лучше или хуже использовать либо изменить в лучшую или худшую сторону эти возможности.

Указанные особенности оказывают многоплановое влияние на внешнюю политику. Размер оказывает влияние на относительную силу государства в борьбе за превосход-

ство. Природные ресурсы влияют на плотность населения и экономическую структуру, которые сами по себе являются факторами формирования политики. Местоположение относительно экватора и океанов или континентальных масс определяет близость к центрам силы, областям конфликтов и установившимся путям сообщений, а положение относительно непосредственных соседей определяет позицию в отношении потенциальных противников, тем самым преддрешая основные проблемы территориальной безопасности.

Однако значение размера и местоположения как факторов внешней политики нельзя оценить без учета определяющих воздействий рельефа местности и климата. Рельеф воздействует на мощь [государства] вследствие влияния на [его] единство и внутреннюю целостность. Климат, влияющий на транспортное сообщение и устанавливающий ограничения на возможности производства сельскохозяйственной продукции, обуславливает экономическую структуру государства и тем самым косвенно, но, безусловно, и его внешнюю политику.

Относительный размер государств при условии существования действительной политической и экономической интеграции в пространстве является приблизительным показателем относительной мощи и, по существу, элементом внешней политики. И хотя в такой абстрактной форме, как общая площадь территории, он не порождает конкретных целей и не придает содержание внешней политике, он тем не менее является показателем способности сопротивляться давлению со стороны других государств и может воздействовать на выбор между войной и дипломатией в качестве инструментов национальной политики.

На протяжении всей истории и особенно в ее ранние периоды подавляющее большинство сильных государств были крупными государствами. Египет, Вавилон, Ассирия, Персия и Рим были — каждое в свое время — крупней-

шими из существовавших государственных образований и, тем самым, наиболее сильными. Правда, в определенные периоды такие небольшие государства, как Афины, Венеция и Голландия, действовавшие как морские державы, смогли на некоторое время посредством установления контроля над морскими путями распространить свое влияние на обширные территории, однако в борьбе на суше они обычно уступали более крупным государствам, а в борьбе на море — государствам с более широкой базой, которая подразумевала большую территорию. Ближе к современности великими державами вновь становились крупные государства. Германия смотрит с тревогой и недовольством на расширившуюся Польшу на своей восточной границе и дальше на огромную Россию, а Япония живет в смертельном страхе перед будущим, когда Китай и Россия, смотрящие ей в лицо через Японское море, проявят свой потенциал и могущество, присущие их гигантским размерам.

Последняя иллюстрация поясняет, что размер не является мощностью, но является потенциальной мощностью. Он является мощностью в такой же мере, в какой размер эквивалентен площади обрабатываемых земель и, соответственно, человеческому могуществу, и по этой причине многие сухопутные державы в прошлом придерживались политики территориальной экспансии. Конечно, со времени промышленной революции могущество стало все более и более соотноситься с индустриальной мощностью. Сырьевые ресурсы и промышленные предприятия становились таким образом предпосылками установления господства над сушей или над морем. Но размер по-прежнему играет роль в том смысле, что, чем больше территория, тем больше шансов, что ей присущи различные климатические условия и меняющийся рельеф и, следовательно, более разнообразные ресурсы и экономические возможности.

Размер имеет первостепенное значение как элемент обороны, особенно если жизненные центры страны удалены от границы. Дойдя до Москвы, Наполеон прогнал измученную армию почти через такое же огромное пространство, как и его собственная империя, только чтобы найти для себя остановку в более спокойном месте, но его тылы снабжения безнадежно отстали. Более ста лет спустя русские белогвардейцы и их союзники безрезультатно растрачивали свои силы в антикоммунистических походах на приграничных российских территориях, тогда как коммунисты невозмутимо обустроивали жизненные центры страны. Враг выявляет сильные и слабые стороны, присущие человеческому роду, и человек может противопоставить ему свою сноровку и решительность. Пространство же просто существует и побеждает в силу своего существования. Конечно, оно может выполнять свои оборонительные функции только тогда, когда жизненные центры страны расположены далеко от границы. В войне между Соединенными Штатами и Канадой огромные пространства Канады представляли бы гораздо меньшую защиту, чем небольшие участки территории США, потому что индустриальные центры и крупные населенные пункты Канады сосредоточены на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от противника, тогда как в Соединенных Штатах они расположены далеко позади границы.

Размер и расстояние как элементы обороны приобрели еще большее значение с тех пор как люди стали летать в воздушном пространстве вместо перемещения по земной поверхности. Современный радиус действия эскадрильи бомбардировщиков составляет примерно восемьсот миль. Россия по этой причине является единственной европейской страной, чьи жизненно важные индустриальные и горнодобывающие центры находятся за пределами действия вражеской авиации. Париж расположен менее чем в двухстах пятидесяти милях от Лондона, а Рур — менее чем

в трехстах милях от Парижа. В случае российско-японского конфликта, если Япония разбомбит Владивосток, российское промышленное и сельскохозяйственное производство не сократится, а общая структура обороны страны останется неизменной. Если же российской эскадрилье бомбардировщиков удастся уничтожить Осаку и Кобэ, центр японского производства, транспорта и связи будет разрушен и возникшая в результате дезорганизация вполне может стать более важным фактором поражения Японии, чем небольшая победа на море.

Размер государства никогда не может считаться единственным обуславливающим фактором. Он взаимосвязан с техническим, социальным, моральным и идеологическим развитием, с движущими силами внутри государства, с политической обстановкой в прошлом и с особенностями характера людей. Но он, несомненно, обуславливается спецификой рельефа местности. Влияние рельефа на размер, по общему признанию, уменьшилось с тех пор как человек научился прокладывать тоннели под горными массивами и перебрасывать мосты через глубокие ущелья, но, пока технологические достижения не станут в значительной мере более совершенными, рельеф игнорировать нельзя.

Природа разделила Грецию на небольшие хозяйственные единицы, и поэтому там получили развитие малые политические образования. Долины ориентированы по направлению к центру, однако наиболее плодородные районы страны имели выход к морю, но при этом на суше они были отрезаны от остальной части полуострова. Следовательно, там происходил обмен идеями и товарами преимущественно по морю, а не по суше, и греческие поселения превратились в вереницу городов, многие из которых враждовали друг с другом. Подобная ситуация преобладает сегодня на Балканском полуострове, где каждую долину или равнину отделяют горные хребты, и различные группы сохраняют свои специфические социальные, поли-

тические и религиозные особенности. На полуострове нет естественного центра, вокруг которого могло бы сформироваться крупное государство, и соперничество между малыми государствами является неизбежным. Такое же влияние распределения низменностей и нагорий можно обнаружить и в распаде Римской Империи на относительно небольшие образования в Западной Европе, которые потому и являются небольшими, что низины и возвышенности расположены на относительно малых площадях.

Факторы рельефа, которые создают барьеры на пути экспансии, будут, если эти барьеры преодолеть, продолжать действовать как препятствия для эффективной обороны и успешной интеграции новой территории с прежними владениями. Влияние особенностей приграничной территории на проблемы обороны и внешней политики в целом будут рассмотрены позже. Однако здесь следует остановиться на проблеме эффективного управления совершенно независимо от угрозы агрессии, потому что только благодаря эффективному централизованному управлению большой размер становится элементом могущества, а не слабости. Такое управление зависит прежде всего от двух факторов: от наличия эффективной системы коммуникаций между центром и периферией и от отсутствия или эффективного противодействия центробежным силам сепаратизма. На создание системы коммуникаций, которая, в свою очередь, является одним из наиболее эффективных средств противодействия сепаратистским тенденциям, форма территории и рельеф государства оказывают непосредственное влияние.

Очевидно, что наилучшей формой территории государства является идеальный круг. Благодаря такой конфигурации максимально возможная площадь заключается в наименее протяженные границы, облегчая оборону, а все части территории равноудалены и находятся как можно ближе к правительству, располагающемуся в центре кру-

га. Государства, имеющие вытянутую и узкую форму — и это особенно характерно для сухопутных держав, — несут тенденцию к неминуемому распаду либо путем утраты территории на периферии, где объединяющее влияние правительства наименее ощутимо, либо путем разделения и возникновения новых независимых государств. Примеры проявления данной тенденции можно найти в Османской Империи, потерявшей эффективное управление над всей Северной Африкой и большей частью Балкан прежде, чем эти области были взяты другими державами, а также в Арабской, Монгольской и Македонской империях, предшествовавших ей.

Фактором даже более значительным, чем форма, при установлении централизованного контроля над конкретной территорией является рельеф. От высоты и конфигурации горных хребтов, глубины и ширины долин, направления рек и меняющегося воздействия климата на все эти детали будет зависеть доступность сообщения внутри страны. Там, где горы подобно Андам либо скандинавским или швейцарским горным кряжам преграждают путь либо пересекают ландшафт на разобщенные части, как на Балканском полуострове, сообщение будет долго налаживаться и станет дорогим и нерегулярным; там, где болота или пустыни разделяют две части страны, будет затруднено дорожное строительство; и там, где речные системы идут параллельно, а не сходятся, они не являются подходящими средствами сообщения для расположенного в центре правительства и несут в себе тенденцию скорее к разобщению, чем к объединению.

Над теми частями страны, сообщение с которыми установлено, но не является регулярным, правительство будет иметь слабый контроль. Горное рассредоточение, главная причина существующего этнического размежевания, оказало на Швейцарию определенно децентрализующее воздействие, которое усилила речная система. Что явля-

ется существенным в данной речной системе в плане разобщающего воздействия, так это, конечно, не ее направление, а то обстоятельство, что все реки текут с окраин за границу, не образуя коммуникационной сети внутри страны и создавая тенденцию для более тесного взаимодействия окраинных территорий с другими странами, чем с центральной частью собственной страны. В силу различных политических причин в случае Швейцарии это не привело к реальному политическому разобщению. Однако это стало причиной культурной, языковой и экономической децентрализации, ставшей такой исключительной особенностью Республики. Тот же самый феномен параллельных рек с таким же разъединяющим воздействием можно заметить в Германии, где Рейн, Везер, Эльба, Одер и Висла текут на северо-запад по параллельным линиям, разделяя страну на пять долин и не сходясь ни в одной точке, из которой правительство могло бы распространить свое объединяющее влияние вдоль речных долин на окраины государства. В небольших бассейнах китайских рек сформировались крошечные политические образования, которые стали характерной особенностью всей истории Китая, а три большие речные долины устойчиво оказывали поддержку региональному сепаратизму, который стал препятствием на пути к политическому объединению. В Сибири климат дополняет собой децентрализующее воздействие рельефа, и реки текут не только параллельными курсами, но и по направлению к Арктике, и они покрыты льдом. Не случайно, что Сибирь не стала полезной частью Российской Империи вплоть до развития железных дорог.

Реки могут быть и, конечно, часто бывали главным объединяющим фактором, особенно для ранних политических образований. Первые государства были все без исключения речными государствами, сосредоточенными около Тигра и Евфрата, а также Нила, а французская колониальная империя в Северной Америке была основана в долинах

рек Святого Лаврентия и Миссисипи. Строго с северо-запада от Москвы Днепр течет на юг к Черному морю, Волга — на восток и юг к Каспийскому, а Волхов течет на север через Ладожское озеро и впадает в Финский залив уже как Нева. Поскольку пороги на Днепре ниже Киева создавали препятствия для передвижения, Киев уступил место пребывания правительства Москве, которая благодаря своему расположению на Москве-реке, притоке Оки, впадающей в Волгу, смогла распространить свое централизующее влияние во все уголки европейской части России. Аналогичная сеть рек, сходящихся к Парижу, делает этот город неминуемым центром Франции и неизбежно сосредоточивает Францию вокруг Парижа.

Изначально правительства усиливали свой контроль над территорией, дополняя естественные пути сообщения и пытаясь преодолевать барьеры, связанные с рельефом. Инки объединили свою империю дорогами, персы построили Царскую дорогу от Сардов до Суз, которая преимущественно следовала практически тем же самым маршрутом, как спроектированная примерно две тысячи лет спустя железная дорога Берлин — Багдад; китайцы, французы и русские соединили свои великие реки сетью каналов, а Рим сохранял контакт с отдаленными частями империи посредством дорог, которые были так хорошо построены, что некоторые из них существуют и по сей день. Карл Великий строил дороги, и каждый последующий шаг Французского Королевства к централизации совпадает с этапом совершенствования путей сообщения внутри страны. В период преобразований после Столетней войны Людовик XI создал первую почтовую службу, а в начальный период быстрого национального подъема, наступивший после религиозных войн, Сюлли (Сюлли, Максимильен де Бетюн (1560—1641) — глава французского правительства при короле Генрихе IV. — *Прим. перев.*) спланировал свою первую большую дорожную систему.

Железные дороги, конечно, сделали возможной эффективную интеграцию более обширных пространств. До их развития немногие государства, расположенные в конфликтогенных зонах, были в состоянии обеспечить контроль над территориями, лежавшими больше чем в трехстах милях от правительственного центра. Поэтому крупные государства воспользовались этим инструментом и построили железнодорожные линии в силу стратегических и политических причин прежде, чем экономическое значение отдаленных областей оправдало такое строительство. Железные дороги Франции, Германии и России расходятся радиусами из Парижа, Берлина и Москвы. Таким образом, большие континентальные державы упрочили свою целостность развитием собственных железнодорожных систем. Трансконтинентальные линии тянутся через Соединенные Штаты, Канаду и Австралию, а Транссибирская и Туркестано-Сибирская железные дороги включили азиатскую часть России в пределы досягаемости центрального правительства. Мадрид, который предпринял слабую попытку в том же направлении, сегодня с сожалением сознает угрозы, связанные с не соответствующей требованиям железнодорожной сетью.

Действительно, иметь железные дороги в качестве наиболее эффективных средств установления контроля над территорией, через которую они проходят, стало настолько важным, что обладание ими стало почти символом суверенитета. «В современном государстве не дорожная сеть, а железнодорожная сеть является основой организма транспортного пространства. На нем лежит роль диспетчерской государства. Кто контролирует сеть железных дорог, тот также контролирует государство. Кайзер Вильгельм поэтому хотел оставить Саксонии политическую самостоятельность, но взять в управление ее железные дороги, что означало бы потерю независимости. О Данциге, вероятно, как о свободном независимом госу-

дарстве фактически не может быть речи, потому что Польша сохраняет контроль над своими магистралями. Обладание железными дорогами, следовательно, стоит на первом месте перед всеми политическими завоеваниями, и наоборот, состояние, когда свои пути сообщения выходят из-под контроля, ведет к утрате части своей политической независимости. Все льготы, предоставляемые на железной дороге (Китай — России в Северной Маньчжурии, Турция) являются актами политической слабости и зарождающегося распада» [8. S. 498—499].

Вслед за развитием железных дорог и внутренних водных путей появились воздушные трассы, которые теперь охватывают каждый континент и которые, несмотря на то, что они все еще не вполне пригодны для транспортировки товаров, являются наиболее совершенным средством поддержания постоянного контакта между центральным правительством и отдаленными частями страны. В этой связи не следует забывать и об эффективности радио как средства культурной и идеологической централизации.

Напротив, упадку больших империй нередко сопутствовало пренебрежительное отношение к системе коммуникаций. Европейские и азиатские государства эпохи Средневековья использовали существующие средства, не заботясь об их улучшении или развитии, и поэтому оставались небольшими по размеру. Действительно существовавшие крупные государства, такие, как Халифат и Империя Монголов, были политическими единицами только по названию, без фактического контроля над окраинными районами своей территории. Новая Турецкая Республика с ее амбициозными планами развития сложной системы коммуникаций, очевидно, воспользовалась примером своей предшественницы.

Хотя стратегическая и политическая проблема интеграции и удержания заморских территорий в корне отличается от представлений относительно отдаленных рай-

онов сопредельной территории, не вызывает сомнения то, что отсутствие должного внимания по отношению к существующим формам коммуникации сыграло роль в потере американских колоний британской и испанской метрополиями. «В восстании против Англии американские колонии следовали признанному закону политической географии. Они образовали отдаленную западную границу Европы; а тенденция к отделению проявляется во всех периферийных владениях... Просто расстояние значительно увеличивает сложность контроля со стороны правительства...» [9. Р. 47].

Таким образом, рельеф, климат и расстояние определяют возможности коммуникации в пределах страны и тем самым значительно уменьшают или увеличивают вероятность развития сепаратизма. В областях, отделенных горами или пустынями или местоположение которых в долине реки предрасполагает их к экономическому взаимодействию скорее с зарубежным государством, чем с другими областями собственной страны, существует тенденция к развитию местных интересов и местной политики и постепенному избавлению от контроля со стороны центрального правительства. Регионализм не обязательно приведет к фактическому разрыву политических связей, если он имеет место не на периферии и не в сочетании с этническими различиями. Регионализм, который в XIX — начале XX вв. вызвал распад турецкой и австрийской империй и привел к созданию независимых государств в Центральной и Восточной Европе, происходил из существования этнических единиц, а не областей, изолированных рельефом, хотя рельеф сыграл свою роль в предотвращении этнического смешения. Когда регионализм принимает враждебную форму национализма, как это было в указанных случаях, он может разрушить даже такое государство, как Австро-Венгрия, которое имело элемент природно-географического единства как государство бассейна Дуная.

Регионализм, который не доходит до сепаратизма, тем не менее создает трудности в выработке единой национальной политики, поскольку интересы различных регионов неизбежно будут противоречивыми, и национальная политика будет в таком случае представлять собой компромисс между этими противоречиями. Парадоксальной особенностью регионализма является то обстоятельство, что экономический регионализм может быть одним из самых сильных элементов единства государства благодаря товарообмену, которому он способствует, и одновременно быть элементом разобщения во внешней политике вследствие трудностей учета во внешнеторговой политике противоречивых требований различных регионов, связанных с протекционизмом, рынками сбыта, сырьем и капиталом.

Таким образом оказывается, что регионализм — это сложное явление, результат взаимодействия многих факторов, среди которых не менее значимы рельеф и климат. Регионализм можно сегодня обнаружить в Соединенных Штатах, Бразилии и Австралии, прежде всего, в экономической специализации, определяемой рельефом и климатом; в Германии, где он обусловлен рельефом местности и идеологически; во Франции, где он существует как географический, экономический, традиционный и идеологический. В настоящее время технологический прогресс, который проявляется в развитии железных дорог, судостроения и авиации, дает возможность преодолеть почти все элементы регионализма, связанные с рельефом, и, следовательно, эффективно объединять пространства практически любого размера. Затем, наверное, можно с уверенностью сказать, что экономический регионализм оказывает наиболее заметное влияние на внешнюю политику.

Следовательно, становится очевидным, что большой размер, особенно в сочетании с благоприятным климатом и плодородной почвой, является важнейшим элементом могущества, но такое могущество может стать действительным только после того, как будет установлено центра-

лизованное управление на всем пространстве путем создания эффективной системы коммуникаций. Если рельеф и климат способствуют развитию коммуникаций, то переход от большого государства к сильному государству будет быстрым. Если рельеф и климат создают препятствия, государству придется ждать, пока у него под рукой окажутся необходимые элементы капитала и технологических навыков, чтобы преодолеть естественные препятствия искусственным путем. Поэтому становится ясным, почему Турция до 1914 г., а Бразилия и Китай сегодня, хотя и находятся в числе крупнейших государств мира, по-прежнему являются второстепенными державами. Значительная часть турецкой территории была пустынной, и, как мы уже отмечали, у страны не было должной системы коммуникации и эффективного управления.

Тот же самый недостаток систем коммуникаций, сочетающийся в случае Китая с полным отсутствием индустрии, по-прежнему удерживают и Бразилию, и Китай от фактического объединения их обширных территорий. Определенный выход из ситуации, когда размер означает потенциальное могущество, состоит в том, что с распространением западных технологий большой размер в сочетании со временем и волей к власти будет практически неизбежно означать действительное могущество.

Список литературы

1. Spykman N.J. Geography and Foreign Policy // The American Political Science Review. 1938. Vol. 32. № 1. P. 28—39.
2. Napoléon au Roi de Prusse, Novembre 10, 1804 // Correspondance de Napoléon Ier. Tome X. Paris: Henri Plon, J. Dumaine, 1862. P. 46—48.
3. Topf E. England und Russland an den Türkischen Meerengen // Zeitschrift für Geopolitik. 1928. Bd. II.
4. Hennig R. Geopolitik. Die Lehre vom Staat als Lebewesen. Leipzig und Berlin: B.G. Teubner, 1931. viii, 396 s.